

А н д р е й Д м и т р и е в

●
Батый наливается бронзой
по самые брови,
озирая бескрайнюю степь.
В волосах его — запахи серы,
как говорят богомольцы
по ту сторону
этой степи —
серые птицы севера
на надломленной ветке
в руках пока еще домонгольского
ветра...

Степь да степь.
Step-by-step.
Эпический хронометраж
вмещает
биение сердца
звонаря из Рязани,
забравшегося
на двадцать пятый этаж
с немалым
процентом по ипотеке,
зато в центре.
Скоро, скоро придут
и взыщут,
посыплет тогда
голову пеплом,
став приготовленной на огне
жертвенной пищей.

У ворона в клюве
ржаной колосок —
ох,

жатва так жатва.
До райцентра пылит
видавший виды автобус,
открыты окна,
но в салоне —
по-прежнему жарко,
у женщины, втиснутой в духоту,
ко лбу липнет волос.

Но вместе с Батыем
наступят зима и холод,
подорожает хлеб,
покосится маковка церкви —
который уж раз.
Да разве имя чуме той —
татаро-монголы?
То, что сидит
так глубоко и цепко —
растет не снаружи.
Батый наливается бронзой
и ставится на широкую полку —
идолищем поганым,
божьим бичом,
ненавистным, но нареченным
мужем...

г. Нижний Новгород

А н д р е й Т о р о н о в

●

Здесь время все время — девять
На вышивке у пратещи,
Самойлов поехал в Ревель,
Рылеев ушел на площадь.

Да, это — только рифмы
Без смысла и продолженья,
Блужданье благого ритма —
Предвестника пораженья.

Купил семь романов Пруста,
Укрытых в два веских тома,
Под мокрый арахис с хрустом
Осилить до смерти скромно.

Вот стих мой почти закончен,
А время все время — девять.
Пора читать на ночь дочке
Про карлика с королевой.

г. Екатеринбург

Т а т ь я н а С к р у н г з 6

•

Дом, что построил прапрадед мой
Разрушил мой старший сын.
Книги, сожженные зимой
Забили золой камин.
Окна и двери распахнуты,
Но нет дороги сюда —
Все капилляры пахоты
Вытоптала орда.
Клен, который мой прадед сажал
Вырубил средний сын.
Выстругал гроб для каторжан.
Мы все в том гробу лежим.
Развалины глушит столетний бурьян,
И не понять, кто кого
Душит, впиваясь корнями в изъян
Прошлого моего.

Колодец, который выкопал дед,
Засыпал мой младший сын.
Вышел тогда мой отец на свет,
Вышел отец в сумрачный свет,
А я обратился в дым.
Время закручивает кольцом
Прапрадеда, прадеда и
Деда, которые строили дом,
Дерево возвращивали,
Рыли колодец, и вот, наконец,
Даровали мне факел конца.
Я смертности принял венец,
Я смертности принял венец,
Чтобы зачать отца.
Если воскресну когда-нибудь
Или загрежу опять,
Бабочки выкорчевают мне грудь,
Сердце пойдет плясать
По переулкам и площадям,
Точно пророк Илья,
Провозглашать, что уже костям
Смертных тесна земля,
Что онемел и оглох поэт,
Выключив ход часов.
Сравнились прапрадед, прадед и дед
С мохом дремучих лесов,
Вышли из круговорота семьи
Все мои сыновья,
Я и отец мой остались одни,
Но в дым обратился я.

г. Липецк

И в а н В о л о с ю к

•

*Душа, ты полетишь по млечному пути...
Д. Зантария*

Читай с листа, мой папоротник цел,
его жуки по краю не обгрызли.
Пространство — это видимый предел,
зачем мне море, если видел брызги?

Куда потом пойдет моя душа?
Ее свобода выше измерений.
Зачем мне космос в виде шалаша,
зачем планета в виде колыбели?

Неважно, сколько там песка в горсти,
на миллионы счет всегда неточный,
но нужно честно эту жизнь нести
и не пытаться соскочить досрочно.

Тогда поймешь, уже в конце пути,
когда погаснет древнее светило:
из Кайнозоя выход не найти,
а ты на что надеялся, му***?

г. Донецк